

Анастасия Климова

ЦИФЕРБЛАТ

1

– Мальчики, спасибо вам огромное, вы меня очень выручили! Обещаю вам, концерт будет просто потрясающий! – Эмма Владимировна взмахнула огромной сумкой с пёстрыми, не поддающимися расшифровке узорами (кто-то однажды говорил, что это птицы, но я никогда не мог их там разглядеть), и помчалась в сторону учительской.

С тех пор прошёл уже час. Или даже полтора. Я точно не запомнил время. Количество исполненных номеров уже давно перевалило за десять. Теперь какой-то седовласый дедушка устроился на сцене с балалайкой и широко улыбнулся. Взмахнул рукой...

– Пошли отсюда, – Мишка схватил меня за рукав. – Я ещё поиграть, между прочим, хотел. У меня в семь часов блокировка на компе включится.

Я удивлённо поднял брови, а сам полез в карман за смартфоном.

– Да мама поставила... Так мы идём?

17:13. И три сообщения от мамы. Сестра останется одна на продлёнке и будет плакать. Ну, может, слёз не будет, но расстроится точно. Будет смотреть на меня грустными-прегрустными глазами и вызывать чувство вины. А я не люблю это чувство вины. Оно какое-то давящее.

Как назло, мы зачем-то сели в самой середине, да ещё и в седьмом ряду. Песня дедушки никак не хотела заканчиваться, будто была бесконечной и писалась в те времена, когда у людей было очень много времени, а все страдания рода человеческого необходимо было изливать в длинных сагах. Просто от скуки. От нечего делать. Мне бы даже для того, чтобы это всё разучить, было времени жалко. А он прямо светился от счастья. Может, очень хотел выступить.

Пока актовый зал дружно хлопал, мы протиснулись к выходу и, высматривая учителей, выскользнули за дверь. Кажется, нас заметил только информатик, но ему было всё равно. Обожаю учителей, которым всё равно. Только на них этот мир ещё и держится.

На первом этаже скучал Никитка: то и дело поправляя очки, листал какую-то толстенную книгу. Видно было, что книгу он уже прочёл от корки до корки, выучил каждый абзац наизусть, ничего нового для себя не почерпнул и страдает от отсутствия новых знаний. Увидев нас, он захлопнул том и вскочил.

– А чего вы тут так поздно?

Мы влетели в раздевалку и принялись на ходу переобуваться.

– Мы шли домой, – Мишка балансировал на одной ноге, помогая себе руками. – А потом встретили Эмму Владимировну. И узнали, что сегодня у нас проходит благотворительный концерт. Какие-то таланты со всего района съехались к нам, чтобы показывать своё творчество. Пришлось на это творчество смотреть.

Я громко засмеялся.

– А потом прошёл час. И два. И три. А талантов всё не было. И творчества не было. И мы поняли, что ещё десять минут, и мы будем горько сожалеть, что растратили свою жизнь так бездарно и глупо.

Я поднял голову и встретился с Мишкой глазами. Потом мы посмотрели на Никитку. А потом все втроём засмеялись. И смеялись минуты две, пока, застегнув куртки и хлопнув карточками по турникетам, не вывалились на улицу.

Никитку мы оставили у ворот – мама должна была приехать с минуты на минуту, чтобы везти его на какой-то очередной умный фестиваль. Иногда мне кажется, что из него мог бы получиться отличный парень, если бы он прогнал из своего бытия это страшное слово – «наука».

Я снова вытащил телефон. 17:30. Маринка меня убьёт.

– Втопим? – я повернулся к Мишке. – Надо через парк и к 77-й. А потом уже домой. А то она заждалась, наверное. Ей же тоже домой хочется.

Мишка кивнул, и мы побежали.

В городе начинался апрель. Входил в свои весенние права и каждый день убирал с улиц всё больше зимнего и ненужного. Солнце уже грело, кое-где была видна зелёная трава, и было так здорово понимать, что приходит тепло. И что май впереди. И лето впереди. И вот сейчас ещё немного, и можно будет бегать в футболке.

Мы промчались по скользкой дорожке, я чуть не споткнулся, но вовремя переместил вес на другую ногу. Рюкзак мешал и бил по плечу. Мишка начал пыhtеть – с его весом не так-то просто перемещаться так же быстро, как я. Хотя виду он никогда не подаёт.

Мне нравится наш район – это настоящая Москва. Не какие-то спальные районы с одинаковыми домами серого цвета, а здания, каждое из которых не похоже на соседнее. И узкие улочки. И дух старины. И много ещё чего такого, что нужно просто чувствовать. Просто хватать на бегу и жадно впитывать. Город куда-то несётся, и ты несёшься вместе с ним. И получается, что вместе. В одном направлении.

– Дима-а...

Мишка как-то странно это крикнул, громко, пронзительно. И визгливо как-то. Я сначала не понял даже зачем. А потом как-то в одну секунду повернул голову направо и увидел этот несчастный велосипед. И красную куртку на нём. И глаза, такие круглые, испуганные.

Мишка затормозить успел, а я нет. Шарахнулся куда-то вправо, ударился спиной о стену. Показалось даже, что посыпались какие-то камни. И всё равно увернуться не смог – царапнуло по ноге, так больно, что визжать захотелось. А потом был звук чего-то падающего. И звон. Как будто хрустнула ваза.

Я мотал головой секунды две. Мишка за это время уже успел развить активную деятельность.

– Пацан, ты больной? Ты куда вообще едешь? Дорожка с другой стороны! Слабо там, не знаю, по сторонам смотреть?

Я осторожно положил руку на колено. Опускать взгляд не хотелось. Стянул с плеча рюкзак – спина вроде цела. По крайней мере, всё шевелится.

– Встаёшь или как? – Мишка пыхтел на весь переулок. – Нет, ну надо же! Шли себе люди и шли, по своим делам. А тут ты. С ума сойти!

Я медленно опустился на корточки, подходить к ним не хотелось. Голова гудела, и мир был почему-то нечётким. Нет, с глазами всё было хорошо, просто этот переулок из знакомого и изученного вдоль и поперёк превратился во что-то непонятное. Неоформленное. Чужое.

– И хорошо, если сломал, уроком будет, – раскатистый бас звенел уже у меня над ухом. – Димка, ты как?

Я кивнул. Да хорошо всё.

Мальчишку я так и не рассмотрел как следует – красная куртка ещё пометалась около больших чёрных колёс, потом подняла велосипед за руль и скрылась за углом, испуганно оглядываясь на нас.

Я сделал усилие и отнял ладонь. Джинсы порваны. Да так, как будто кто-то резал острым ножом. Под ними царапина. Огромная. На ладони остался тёмный след от крови. А ведь через неделю снова начинаются футбольные тренировки. И как я буду играть?

Я попробовал встать. Вроде ничего не сломано. Нога болела, конечно. Теперь скорость меня как пешехода, вероятно, снизится в разы. Мишка пошутил бы как-то так.

– Ничего себе! Ты видел? – Мишка метнулся куда-то вправо.

Я повернулся к нему и увидел то, что всё это время какой-то тревогой грызло изнутри. Папин смартфон. Точнее, то, что от него осталось после падения и встречи с какой-то острой железкой. Может, даже и с велосипедом, восстановить подробности приключений пятиминутной давности я почему-то не мог.

Мишка присел возле того, что раньше было телефоном.

– Знато его... А если попробовать включить?

Он осторожно потрогал осколки.

– Нет, мертвец он. И ремонтировать дороже, чем новый покупать...

До школы мы ковыляли ещё минут тридцать. Я приноровился шагать так, чтобы болело как можно меньше, но скорости это не прибавило. На первом этаже сидела расстроенная Маринка и ковыряла пальцем жвачку, прилепленную на стуле.

– А я маме скажу, что ты опять за мной не зашёл. Это потому что ты никогда ничего не планируешь. Нам сегодня Елена Владимировна рассказывала про распорядок дня. Вот если его нарисовать и учиться по нему, то ничего такого не будет.

– Маринка, это скучно, – Мишка улыбнулся, понимая, что мне отвечать сейчас неумоготу. – Тот, кто живёт по распорядку, бесцельно гробит лучшие дни своей жизни. А жизнь у тебя одна, – он нахлобучил ей на голову кепку.

Ко мне домой мы шли вместе – Мишка жил на соседней улице и считал, что сделать лишнюю тысячу шагов крайне полезно. Мне поэтому и было с ним всегда хорошо – в трудную минуту он оставался рядом до последнего. Маринка бежала впереди и старалась не наступать на маленькие замёрзшие лужицы.

– И как он выскочил, – Мишка задумчиво потёр пальцем лоб. – Всё ж было хорошо. Шли себе и шли. Просто разорвал своими колёсами всю линейность выстроенного дальше вечера. А я хотел ещё поиграть. Не у себя, так к тебе зайти. Но не пойду.

– Да уж, – я остановился у подъезда. – Лучше не стоит.

2

– Итак, что мы имеем, – папа опустил на стул и отодвинул в сторону сахарницу. – Я дал тебе телефон, чтобы ты мог делать фотографии для школьного проекта.

Мама пристально рассматривала коленку, от ваты шёл неприятный резкий запах.

– Так? – папа сцепил пальцы. Костяшки побелели. – Мне нужен какой-то ответ.

Я кивнул. Поднимать голову не хотелось. Смотреть на ногу, впрочем, тоже. Рана неприятно саднила, хотелось зажмуриться и перенестись куда-то очень далеко. За тридевять земель.

– Ты этот телефон разбил. Не знаю, что там у тебя произошло, но восстановлению он явно не подлежит.

Сквозь коленку прошла острая боль, я ойкнул. Мама принялась дуть на больное место.

– Игорь, ладно тебе. Случилось и случилось. Всё бывает. Жалко, что новый. Но что тут поделаешь...

Я наконец поднял голову и посмотрел на папу. Брови нахмурены, на лбу проступила суровая жилка. Я редко видел его таким и знал, что ничего хорошего не последует.

– Он взрослый человек, а взрослые люди отвечают за свои поступки. И стараются сделать так, чтобы ничего подобного не случилось.

Я не выдержал и вскочил.

– Не всегда и не все поступки зависят от нас! Я не мог знать, что там поедет этот велосипед! И вообще... это не я, это просто что-то вмешалось. То, что от меня не зависит.

Коленка снова противно заныла. На глазах выступили слёзы. Папа смотрел на меня с какой-то смесью суровости и сострадания, и от этого было вдвойне неприятно.

– И кто же, интересно, вмешался? Вселенная? Судьба? Кто? А может быть, нужно быть внимательнее и не носиться по улицам? Вот куда ты спешил?

Я молчал, снова глядя в пол. Никогда не замечал до этого, что на линолеуме очень странный рисунок. Как будто развели краску и принялись водить в разные стороны, создавая случайный узор. А в одно месте узор не совпадал. Отличался от других.

– Я спешил, чтобы забрать Маринку. И в том, что я задержался, тоже виноват не я.

– Всё, хватит, – папа медленно поднялся, опираясь кулаками о стол. – Больше никаких телефонов, для того чтобы узнавать время, возьмёшь мои старые часы. Интернета больше тоже не будет. Для учёбы в том числе. Выкручивайся как хочешь.

Он ушёл, сел в зале и принялся листать какую-то книгу. Я стоял и рассматривал линолеум.

– Он отойдёт, – мама положила мне руку на плечо. – Просто это был очень дорогой подарок. И постарайся в следующий раз поаккуратнее, пожалуйста.

Я высвободил руку. Это ясное дело, что в следующий аккуратнее.

– Это называется «роковое стечение обстоятельств», – Мишка вгрызся в яблоко с таких хрустом, что казалось, будто челюсть не выдержит. – Или «принцип домино». Цепочка событий, каждое из которых повлекло за собой следующее.

Я лениво оттолкнулся здоровой ногой. Веревки натянулись, дощечка ушла назад.

– Давай восстановим цепочку событий. Помнишь, куда мы пошли после уроков?

Я кивнул.

– Правильно, к историку. За тетрадами. Так вот, если бы мы с тобой не задержались у Викторовича, чтобы узнать оценки, мы бы не встретили завуча. А может, вообще бы пошли по другой лестнице. Могли же мы пойти по другой? Могли. А пошли по этой. И вот встретили её. Если бы ей не надо было позарез, чтобы мы пошли на этот концерт, мы бы не задержались на час. Если бы не стали смотреть до конца того дедушку, вышли бы на пять минут раньше. Если бы не болтали с Никиткой, тоже вышли бы на пять минут раньше. И не встретили бы этого велосипедиста.

Наступило молчание. Я повернул голову и увидел, что он победно смотрит на меня, довольный своим расследованием.

– Это всё так, – я отпустил ноги и начал качаться, еле-еле, просто чтобы не чувствовать земли, – но что со всем этим делать?

Мишка пожал плечами.

– Ничего. Машину времени же пока не придумали.

Мы ещё помолчали. Мишка болтал ногами и мучил огрызок.

– Понимаешь, – я остановил качели, – там были мамины фотографии. Она не успела скопировать. И теперь они пропали.

– И ничего нельзя сделать? – огрызок прицельно полетел в урну.

– Говорят, что нет, – я пожал плечами. – Это больше всего бесит в жизни. Что очень часто больше вообще ничего нельзя сделать.

– Ничего, это же пройдёт, – Соколов поднялся и отряхнул куртку. – Через месяц снова сможешь играть. Правда, без тебя пока будет туго.

Я пристально посмотрел на него.

– Это всё, что ты можешь сказать?

Мишка задумался.

– Пошли. Холодно.

Маринка делала уроки. Методично разложила вокруг себя какие-то тетрадки и старательно, высунув язык, выводила что-то простым карандашом. Иногда поднимала голову, сверялась с учебником, а потом продолжала рисовать. Я присмотрелся. У неё даже ручки лежали ровно – одна к другой. Как по линейке.

Я закинул руки за голову и положил затылок на подушку. У меня никогда не получится стать правильным. Я всегда живу какими-то эмоциями. Можно, конечно, наверное, расписать свой день по часам. В 8:04 выходить из дома. В 8:25 приходить в школу. Но как это уберёт с моего пути случайных велосипедистов?

Я поднял руку и посмотрел на запястье. Чтобы я окончательно не потерялся во времени и пространстве, папа отдал мне свои старые часы, большие, с огромным серебряным браслетом. Что с ними делать? И зачем вообще люди отмеряют время? Чтобы вечно опаздывать?

Без компьютера было тяжело. Я попробовал немного почитать книжку, но слова не хотели складываться и составлять в голове картинку. Ещё раз посмотрел на часы. Прошло всего десять минут. Интересно, а если бы я тогда увидел этого парня и вовремя остановился, что бы сейчас было? Пошли бы с Мишкой в кино? Или рубились бы по сетке? Или писали сообщения друг другу? И телефон был бы жив. И мама довольна. И не вздыхала бы, высыпая макароны в кастрюлю. И папа не дулся бы, и, может, можно было бы поехать с ним за город в выходные. А про футбольный турнир я вообще молчу. Из-за какой-то вещи жизнь поменялась. Из-за колеса и одной царапины.

Через два часа нужно было собираться и выходить – мы ехали в гости к тёте, которая жила на другом конце города. Завтра нужно было сдавать зачёт по истории – я, по настоянию мамы, ходил на дополнительные занятия к нашему историку, Викторовичу. Всего было 10 вопросов, из них я выучил 8. Учить остальные не хотелось. Я посмотрел на полку с книжками и вздохнул. Можно, конечно, взять учебник с собой и почитать в дороге. Запихнуть его в сумку. А если в метро будет много людей?

Я снял с полки книгу и повертел в руках. Тяжёлая. Да и не смогу я в гостях ничего читать. Там будет шумно, все будут смеяться, шутить, танцевать. Как-нибудь на перемене прочту. Или встану утром пораньше.

Из учебника выпал двойной листок – моя домашняя работа. Евгений Викторович всё время придумывал какие-то конспекты, рефераты и ещё кучу всего, в чём я так и не мог разобраться. И зачем так усложнять школьникам жизнь?

Я засунул листок в книгу и поставил обратно. Сегодня лучше отдохнуть.

Нога, почувствовав, что о ней вспомнили, противно заныла. Я понял, что лежать больше не могу. Вскочил и подошёл к Маринке.

– Тебе помочь с уроками?

3

– Дима, быстрее, пожалуйста, мне нужно посуду мыть, – мама металась по кухне с косметичкой в руках. – Почему ты всё время копаешься?

Я быстро проглотил остатки омлета и залпом выпил чай. Горло неприятно обожгло. Наше утро всегда превращалось в бесконечную гонку, в которой никогда не было

победителей, но зачастую встречались проигравшие. Те, кто опоздал, в школу или на работу.

Маринка сидела в прихожей одетая и, казалось, являлась островком спокойствия в буйном море утренней квартиры.

Я натянул джинсы, застегнул рубашку и схватил рюкзак. Сгрёб со стола тетрадь по истории, учебник по английскому и кое-как запихнул внутрь. На секунду задумался, что бы взять ещё. На столе сиротливо лежал учебник по истории Древнего мира, который я вчера так и не взял с собой. Я поразмыслил немного и решил, что всё равно уже не смогу ничего прочесть. А знать восемь вопросов из десяти очень даже неплохо.

– Мы выходим! – я подумал, что не знаю, откуда у папы такой громкий голос. Иногда мне кажется, что я не всё знаю о его работе.

Из подъезда мы выбежали на пятнадцать минут позже обычного.

– Ну что, господа, вы не устали? – Евгений Викторович добродушно оглядел парты и погладил бороду. – Я понимаю, что у нас дополнительные занятия и вы оставили часть своих сил на основных уроках, но что поделаешь, у нас на сегодня запланирован зачёт. Надеюсь, все готовы? Соколов?

Мишка захлопнул учебник и ободряюще посмотрел на меня. Не знаю, откуда у него было столько сил, у меня ещё после контрольной по математике жутко разболелась голова.

Курс назывался «Океан истории», и инициатива пойти туда принадлежала как раз Мишке. Мне в сентябре было решительно всё равно, где проводить седьмой урок. А потом мой лучший друг случайно рассказал об этих занятиях маме, и у меня не осталось совершенно никакого выбора. За год я как-то привык к бесконечным событиям, фактам и датам, но к таким «взрослым» вещам, как зачёты, коллоквиумы и рефераты, приноровиться не мог. Евгений Викторович преподавал в педагогическом университете и считал, что шестиклассники не должны ничем отличаться от студентов, разве что «глубиной постижения материала». Мы и занимались в школе очень редко – чаще ходили в гуманитарный корпус и сидели там на жёстких скамьях.

В этой четверти мы занимались философией. Слушали о том, как древние греки и римляне пытались объяснить себе устройство этого непростого мира.

– Давайте по очереди, – Викторович оглядел класс. – Смелее. Мы всё это проходили и знаем. Ну, Сутейкин, например.

Пока Никитка радостно бормотал себе под нос (кажется, он ходил на все дополнительные занятия, на которые было возможно), я листал учебник, силясь понять, как сделать так, чтобы мне не попались последние вопросы. Выходило, что у меня довольно большие шансы – не могу же я быть таким невезучим?

– Кузнецов, вы следующий.

Я нехотя поплелся к первой парте, чувствуя на себе взгляд Мишки. Нам можно вообще ничего друг другу не говорить, мы всё понимаем без слов. Это высшая степень слияния душ, как я это называю.

У самого первого ряда я понял, что у меня трясутся колени. Из-за всех этих переживаний готов я был плохо, спорить с этим было бесполезно. Оставалось надеяться на везение.

– Ну-с, – Евгений Викторович погладил бороду, – вы, насколько я помню, посещали не все занятия.

Я оглянулся на Мишку. Тот соединил ладони и потряс ими в воздухе, подбадривая меня.

– Я болел, – к лицу прилила краска.

– Ну, надеюсь, что всё уже хорошо, – историк улыбнулся. – Вы расскажите-ка мне про стоицизм. Что это за философия такая?

По затылку прокатилась горячая волна, затем спустилась ниже, рухнула куда-то в живот и принялась мучить меня изнутри. Метаться по телу. Затем часть этой волны, как и положено, ушла в пятки, но другая часть осталась. Сделала голос трясущимся и каким-то не моим. Десятый вопрос. Десятый.

– Это... это философия древних греков, – захотелось провалиться под землю. И больше никогда не восставать.

Евгений Викторович задумчиво кивнул.

– Мы всю прошлую четверть проходили древних греков. Хотелось бы немного поподробнее. Так сказать, понять, что стоит за этим названием.

Я молчал. Да, это была та самая последняя тема, до которой я добраться не смог, а на занятии меня не было. В голове не возникало ни одного предложения. Может, имело смысл начать говорить какой-то связный текст, но у ничего не выходило. Странно, я всегда думал, что у меня в голове роятся идеи и фразы, а сейчас в ней было странно пусто. И гулко. Я как будто смотрел на себя со стороны и понимал, что этому мальчику сегодня не выкрутиться.

– Ну, вот скажем, – Евгений Викторович взял со стола линейку. – С вами случилась какая-то неприятность. Наступила в жизни некая чёрная полоса. И так неволею, что вы волей-неволей взываете ко всем богам и спрашиваете, за что же это с вами случилось и как вновь вернуть ощущение того, что всё хорошо. Или, скажем, вы родились рабом и знаете, что до конца жизни будете служить не слишком доброму господину и терпеть одни унижения. Или, скажем, вы не можете видеться с лучшим другом... Есть у вас такой?

Я повернул голову и посмотрел на Мишку. Тот задумчиво грыз карандаш и читал какой-то параграф.

– Е.. есть.

– Отлично. Так вот, вы, ввиду неких обстоятельств, не можете видеться. И быть счастливым не можете. И вы очень сильно по этому поводу переживаете. Так вот, представьте, что вы стоик. Как вы будете мыслить?

– Это тяжело, – выдохнул я.

– Что тяжело?

– Не видеться.

Евгений Викторович улыбнулся.

– Молодой человек...

– А вообще, я считаю, – выпалил я неожиданно сам для себя, – что всегда нужно бороться. И рабу бороться. И господина этого... наказать.

– Однако, – историк неожиданно посерьёзней и покачал головой. – И как же мы его будем наказывать?

Я набрал воздуха и выпалил:

– Восстать и свергнуть!

Евгений Викторович присвистнул.

– Нет, история, разумеется, знает множество подобных примеров. И борьба – это порой даже хорошо. Но я всё же хотел поговорить с вами, так сказать, в контексте именно стоицизма. Бывают такие моменты, когда вы не можете ничего изменить вокруг себя. Бывают же?

Я кивнул.

– Так вот, человечество уже давно задавалось логичным вопросом, что в таких случаях следует делать. Ведь человек привык, как это ни печально, всё контролировать. Держать в своих руках. Вам же приятно утром вставать и знать, что вы точно понимаете, что сегодня произойдёт?

Я снова кивнул.

– Но, как говорится, человек только предполагает. Было у вас такое, что все планы рушились мгновенно и ничего было уже не спасти?

– Конечно! – подо мной загремел стул. Гул в классе стих.

– Вот для этого и родилась философия – для того, чтобы человек мог объяснить себе происхождение вещей и найти из любой ситуации выход. Хотя бы даже и умозрительный. У стоиков, например, есть совершенно точный комментарий к нашему с вами разговору. И я настоятельно рекомендую вам с ним ознакомиться. Пока что дела у вас идут не очень, – Евгений Викторович взял со стола огромную бутылку и открыл крышечку, – но не всё потеряно. Покажите ваш конспект шестой главы учебника, пожалуйста.

Я машинально повернулся к парте и только потом осознал, что это бессмысленно.

В горле снова появился тот самый ком. Очевидно, поднялся вверх. Я мгновенно перенёсся в нашу квартиру и увидел со стороны, как я собираю рюкзак и откладываю учебник в сторону. А в нём лежит... двойной листок с заданием.

– Э... понимаете, у меня нет с собой этой работы. Я подумал, что это нужно к следующему занятию, а не к зачёту...

– Это правильно, – согласился Евгений Викторович. – Но вам это сейчас очень бы помогло. А так... так вынужден поставить прямо в электронный журнал двойку. Родители зайдут туда сегодня?

Я судорожно сглотнул.

– Зайдут. Но, может, я...

– Замечательно. Жду вас с рассказом о стоиках.

Я поднялся на ватных ногах и схватил ручку. Двойка по истории – это последний камень в и без того чудесную гору проступков этой недели.

– Да, молодой человек, – Евгений Викторович посмотрел на меня поверх очков. – Даю небольшую подсказку для подготовки. Как мы уже выяснили, обстоятельства жизненные бывают двух видов: те, что мы можем изменить, и те, что не можем. Двойку сейчас исправить вы не можете. Зато можете подготовиться. Советую подумать об этом.

Я кивнул и поплёлся к парте.

4

– Ты создал неправильное энергетическое поле, – Мишка пнул ботинком пустую банку. – У тебя одна за другой идут неприятности.

Я молча сжимал лямку рюкзака и впечатывал шаги в асфальт с такой силой, что он должен был хотя бы в одном месте уже треснуть. Но выдерживал.

– Понимаешь, это дело одной минуты... Взять с собой учебник. Я же на него смотрел. Просто изменить одну минуту, одно движение – положить учебник. И домашка эта... то же самое. Просто два раза одно и то же.

Мишка хмыкнул.

– Машина времени – сомнительное в плане перспектив изобретение. Я думаю, человечество будет биться над этим ещё не один десяток лет.

– Спасибо, поддержал, – я вздохнул. – Меня четвертуют за эту двойку. Ты же знаешь, как мама хочет, чтобы я ходил на эти занятия. А ещё я постоянно рассказываю, как там хорошо и как я отвечаю абсолютно на все вопросы.

Мы свернули в парк.

– Пойдём на детскую площадку, посидим? Дождя вроде нет, – я с надеждой уставился на Соколова. Одному быть сейчас совсем не хотелось. А тем более идти домой и делать уроки. После сегодняшнего дня их вообще больше не хотелось делать. Никогда.

– Не, – Мишка помотал головой. – У меня же бокс. Сегодня четверг.

Тут я окончательно понял, что всё против меня. И сопротивляться этому бесполезно. Это нужно просто принять как данность. Радостная и беззаботная жизнь кончилась. Может, вместе с ней и детство. А что, все же взрослеют по-разному. Почему нельзя после трагических жизненных событий повзрослеть в шестом классе?

Я дошёл с ним до спортзала, проводил будущего боксёра взглядом, немного походил вокруг, наблюдая, как народ стекается из окрестных школ в секции с сумками на плечах. Я вспомнил о предстоящих футбольных тренировках и, вздохнув, решил вернуться в парк. Показываться на глаза маме не хотелось.

Я нашёл в кошельке мятую бумажку, купил бутылку газировки и устроился на скамейке около пруда. По воде били крыльями две утки. Интересно, все птицы уже вернулись, или эти первые? И зачем лететь туда, где холодно?

Я открыл крышку и вдруг почувствовал, что за мной кто-то наблюдает. На соседней скамейке сидел сгорбленный старичок. К спинке была прислонена палка с чёрным набалдашником. Даже после того, как я поднял голову, старичок не перестал